

ВРЕМЯ И ВЕЧНОСТЬ В РАССКАЗЕ ПЕТРА КРАСНОВА «МОСТ»

Дай Бог нам всем исполнить хотя бы половину того, что по своему максимуму предъявляло нам время. Слушать правду тяжело. Писать её ещё тяжелее. К тому же, правда нашего безвременья страшна. Она ломает души. И здесь нужна какая-то особая мера, которую пишущий выбирает сам...

Из речи Петра Краснова на церемонии вручения литературной премии «Россия верные сыны»

В интенсивных духовных поисках литературы 60-х годов XX века особое место занимает то направление русской литературы, которое принято называть «деревенской прозой». Споры об этой прозе составили целый период в развитии отечественной критической мысли. «Деревенские» рамки, в которые критика искусственно заключила произведения определённой тематики, уже с самого начала не выдерживали их нравственно-философской и социально-исторической наполненности.

Хотя несостоятельность данного термина давно признана всеми, этот термин всё-таки и по сей день остаётся, несмотря на то, что В.П. Астафьев сказал резко и определённо: «Деревенская литература? Нет такой, есть литература хорошая и плохая».

Тема современной многострадальной деревни уже стала традиционной в литературе. И всё-таки П. Краснов, известный оренбургский писатель, продолжает её разработку, заостряя внимание на ещё не сказанном, но очень важном. Для писателя уже не так важна условная грань между городом и деревней, потому что взгляд его обращён к Человеку.

Изображение бытовых деталей, примет повседневной действительности и даже действий и поступков героев — всё это не самоценно для автора. Он ставит перед собой задачу разрешения проблем нравственного и философского характера, размышляет о судьбе народа, России... Определяющей для всего творчества П. Краснова стала мысль о невозможности и недопустимости

нынешнего образа жизни. Условный круг мелом между Добром и Злом уже почти не просматривается. Возможно, именно этим и объясняется, что художественный мир писателя лишён радости, ярких красок; здесь так редко возможно счастье, настоящая любовь... П. Краснов с характерной для него прямоотой и безбоязненностью прослыть некорректным говорит о болезни, захлестнувшей всё наше общество. Бездуховность, алчность, бездушие, разгул агрессивной, коммерческой псевдокультуры — вот, по мнению писателя, причины такой стремительной деградации человека. Каждая его новая повесть, газетное интервью, выступление перед общественностью — попытка быть услышанным...

Поэтому так много говорит писатель в своих произведениях о подмене духовных ценностей за последние десятилетия, о разрушении извечных основ и корней. Автор размышляет о губительных последствиях современной политико-экономической ситуации: меняется язык, утрачивая свою цельность и самобытность; обедняется личность («Беднеет язык — беднеет душа»). Сегодня, по мнению автора, понятие свободы толкуется очень узко и примитивно, поэтому и стал таким распространённым подход к жизни «на манер американского туриста». П. Краснов искренен в своём гневе и резкости тона, когда говорит о попрании всех духовных

ценностей, патриотизма, веками завоёвывавшихся. «Мы рискуем остаться без будущего, слишком расточительно жили резервами духа и веры».

Именно поэтому так важно сегодня защитить, поддержать и сохранить то живое, что ещё осталось в народе. Писатель убеждён, что процесс «рождения заново» будет ещё более мучительным. Эта идейная направленность определила и поэтику художественного творчества П. Краснова. Мёртвые деревни; забытые, брошенные кладбища; «как бельма, огни цивилизации»; «блестящая молодёжь» у блестящего «Метрополя»; жалость к бездомным собакам и равнодушие к бездомным детям...

Через чисто «деревенские» проблемы у подлинного писателя обязательно прорастают общечеловеческие, коренные вопросы бытия. Поэтому и сегодня произведения лучших прозаиков: Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Белова, В. Лихоносова, Е. Носова, В. Распутина, В. Солоухина, В. Шукшина — продолжают волновать читателей.

По праву в этот ряд можно поставить имя Петра Краснова, лауреата премии имени И.А. Бунина. Одним из первых произведений, принесших автору широкую известность, стал рассказ «Мост», созданный в 1982 году и вошедший в 1-й том антологии «Шедевры русской литературы XX века».

Рассказ «Мост» заставляет нас задуматься над одним из самых загадочных моментов бытия — моментом перехода от жизни к смерти. Драматизм ситуации — в самом прощании с жизнью, в невольном потрясении обыденного сознания, возникшем в окружающих, в потере чего-то очень значимого с уходом каждого человека, в том, как мало отпущено времени человеку на этой земле: «...жизни человеку на три раздумья. Как жить, каково живётся, да зачем жил.... Более не даётся, не успеешь».

Почему в деревенской прозе, в её наиболее зрелых, завершённых произведениях так много стариков и старух?

Дело, видимо, не только в объёме и качестве их памяти, но и в особой красочности их языка, свойственной именно пожилым людям. Сейчас очевидно, что старчество этих бабушек не возрастное, а, как сегодня говорят, харизматическое (обожествлённое, молитвенное, праведническое). Сами речи этих героинь полны пророчества, особой выразительности: «Живите тута... даст Бог, увидимся. Как мы рады будем, как встретимся, как перед очами Его... милосердными. Он простит нас всех, я знаю. Он любит нас, видит, как мы живём... разве мы виноваты. А если грех какой... так смертушка всё искупит, тяжёлая она — такая тяжёлая!»

Старчество — феномен мудрости, пронизательности, вечности

(но не ветхости). Вечное — это не просто старое, обветшавшее, а ещё и культовое, вневременное.

Течение времени не видит никто. Лишь только стрелки часов да взрослеющие с каждым годом дети напоминают нам о нём.

Героини рассказа Краснова живут в особом хронотопе (термин М.М. Бахтина) — времени прощания, тревоги, последних знаков, пророческих заветов. Это последние праведницы на земле. Их деревенский мир окружён хаотичным, жестоким, агрессивным миром, от воздействия которого уже, по-видимому, не спастись...

И вот такая старуха умирает. Дуня-Забота прожила долгую жизнь в заботах и тревогах о хлебе насущном; изработавшаяся, уставшая от жизни, она только просила Бога поскорее прибрать её. И перед самой уже смертью «просветлела глазами», попрощалась со всеми, кто пришёл по обычаю проститься. Извечный круг жизни-смерти завершён для героини, и принимает она смерть как освобождение. Односельчане, повинувшись какому-то потаённому закону, пришли все, ибо «не на год и не на два расставались».

Мир человеческий в рассказе как бы заключён в кольцо миром природы, пронизан им от начала и до конца, ведь природа — первоисточник, из которого вышел человек и в котором он черпает свои силы. Цикличность, повторяемость, возвращение «на круги своя» всего сущего подчёркнуто

в рассказе описаниями природы. Пейзажи дают нам не конкретные картины, а как бы помогают заглянуть в вечность. И ещё пейзажи у Краснова, как и вся ткань повествования, пронизаны безысходностью, печалью: «туманно-сухой, не освежённый ночью горизонт», «небо, такое ясное вначале, затянулось неведомо откуда взявшимися облаками: начался тёплый хмурый день середины лета», «ветерок тревожил редкие деревца, ...польноью качал».

Отдыхая от трудной работы, заговорили мужики о главном: о вере и безверии. «Какие из нас верующие: пить — мы пьём, грешить — грешим, ругаемся, ворует... икон в дому, считай, уже не держим — на чём вере держаться?! За могилками вот не следим, а что другое говорить».

Современные нравы начинают грубо вторгаться в цикличность вечности, что ощущается через зримые образы и поступки людей. Приметы и образы начала 80-х (время действия рассказа) безрадостны. На могилки недавно заехал заснувший за рулём и наверняка пьяный молодой, из недавних пэтэушников, бульдозерист и «натворил делов». Только недавно могилки были обнесены сеткой, а до этого на кладбище забредала беспризорная скотина, и кладбище должно было принять вид необходимого «глухого покоя и молчания», как тут такое безобразие. Стыдно и горько, и «не по закону» это. Мужики, управившись с могилкой, подправляют

ограду, навещают могилы своих покойных родственников.

После похорон, за поминальным столом, заговорили о времени, о вере. Без веры нельзя, считает Краснов, без любви. Хотя и в Бога... «Больно много безверных развелось».

В третьей части рассказа оппозиция сегодняшнему безверию и суете — вечность и вера — находит своё философское осмысление в повествовании о причинах смерти тёти Дуни. На Троицу она и ещё человек пятнадцать старух пошли освятить новый мост, на котором регулярно из-за сложного рельефа местности разбивались машины, гибли люди. Там Дуню и просквозило. «Незачем было туда ходить, — считает её муж. — За всех Бога не умолишь, белый свет не натопишь».

Мост этот строился «по-современному» долго (лет восемь), с никому не понятными перерывами (сравним, как копается мужиками могила — споро, точно в срок, по раз и навсегда установленному порядку): то вдруг нагнант людей, а то замрёт всё. И когда он был построен, машины «весь день шли, сотрясая рёвом воздух, слышные за многие километры». Начали разбиваться местные водители, а проезжая лихая шоферня то и дело «не уруливала», слетая с моста, убивая и калеча себя и пассажиров в постоянной, безрассудной гонке, стремлении успеть за чем-то призрачным в ускоряющемся водовороте жизни. «Забеспокоились бабы, старухи,

и решали недолго: надо идти». Надо попробовать отомолить это место, может, это просто на нём проклятие какое-то?

Неумолимое, катастрофическое вторжение времени в их спокойное, бытийное существование, как кажется старухам, ещё можно исправить. «Дорога по-праздничному была пуста». Но «... эта пустота, молчание не обманывали никого». Завершает же рассказ яркая антитеза: женщины молятся, читая сакральный оберег «Живый в помощи Вышняго», а по автостраде, с нарастающим гулом и грохотом, покрыв собой всё, идёт колонна машин. Почин старух бессмыслен, вряд ли они что-либо смогут исправить в этом мире.

«Словно свечу задуло...». После этого и умирает Дуня-Забота, уходя в вечность: «Пошли, оставив её (на кладбище) наедине с землёю, отторгнутую от всего живого...».

Рассказ построен по круговому принципу. Прочитав финал, можно заново осмыслить начало его, причины смерти героини: она последняя, обречённая старуха-праведница, глас которой

не услышан. Даже осознав, как неравны силы перед напором цивилизации, несущей разлад и безнравственность, женщины пытаются исправить мир, восстановить его цельность и гармоничность, вековечный разумный порядок. Но, считает автор, мост к дьяволу уже построен.

Сегодня мы всё чаще задумываемся о том, что теряем корни, что в храмах чувствуем себя иностранцами. Новое поколение не знает традиций, не помнит родства, не интересуется историей Отчизны. Но самое страшное заключается в том, что уже не только не различаются оттенки добра и зла, но молодое поколение просто перестаёт различать собственно добро и зло. Об этом — рассказ «Мост». И умудрённый жизнью автор, итожа нравственные потери общества, обезумевшего от погони за комфортом — сладким плодом цивилизации потребителей, с горечью констатирует победу торжествующего сытого Хама, презревшего память отцов, провожая вместе с Дуней-Заботой уходящую от нас навсегда Истину.